

ДОН НИГРО

ПИКАССО И ДРУГИЕ /
PICASSO AND OTHERS

Дон Нигро

Пикассо и другие / Picasso and others

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68334800

Аннотация

Пьеса-коллаж из трех мужских монологов о житейских проблемах:

«Пикассо / Picasso». Художник Жорж Брак рассказывает о случае, связанном с его другом Пабло Пикассо. На картине Брака Пикассо углядел белку, которую тот не рисовал. Привело это к тому, что Брак чуть ли не два года «прогонял» белку с картины. Ему это удалось, до только о нем забыли, и художники, и галеристы, и коллекционеры.

«Песни пограничья / Border Minstrelsy». В мире собирателей древностей, не только вещей, но и литературных произведений, песен, сказок, баллад, кипят нешуточные страсти. Образованные люди, но очернить, опозорить, оклеветать – всегда пожалуйста.

«Галстуки из норки / Mink Ties». Главному герою очень нравились галстуки из норки. Но однажды он услышал: «Если в своей жизни ты предаешь другое живое существо, это будет твоим наказанием в аду». И приснился ему сон, в котором его ловят, как дикого зверя, и сдирают шкуру. После этого наш герой носит

обычные тканевые галстуки. А в целом монолог вполне может послужить манифестом сторонников отказа от меха животных. Написано сильно.

Содержание

1. Пикассо

6

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Дон Нигро Пикассо и другие

Don Nigro

Picasso and others/2022

Перевел с английского Виктор Вебер

* * *

1. Пикассо

«**Пикассо/Picasso/1992**». Художник Жорж Брак рассказывает о случае, связанном с его другом Пабло Пикассо. На картине Брака Пикассо углядел белку, которую тот не рисовал. Привело это к тому, что Брак чуть ли не два года «прогонял» белку с картины. Ему это удалось, до только о нем забыли, и художники, и галеристы, и коллекционеры.

(Один персонаж, художник ЖОРЖ БРАК, который обращается к зрителям со сцены, где нет ничего, кроме мольберта с картиной, обращенной тыльной стороной к зрительному залу).

БРАК. Я многому научился у моего друга Пикассо. В прежние дни я приглашал его к себе всякий раз, когда заканчивал новую картину. Для него это было легко, для меня – трудно. Я жаждал его одобрения, он был моим лучшим другом, и долгое время, похоже, только Пикассо и я понимали, что мы делаем, тогда как остальные – едва ли. Но особенно я гордился одной большой картиной. Он согласился прийти, чтобы взглянуть на нее. Я стоял рядом, затаив дыхание, ожидая услышать его мнение.

– Ну? – спросил я.

– Картина прекрасная, – в голосе, однако, слышалась неуверенность. – Но... – и это слово повисло в воздухе.

– Но что? – спросил я.

– Нет, ничего, – ответил Пикассо. – Я хочу сказать, если это то, что ты хотел...

– Что? – спросил я. – Скажи мне. Тебе не нравится?

– Нет, нет, – возразил Пикассо. – Мне очень нравится.

Возможно, это твое лучшее полотно, только...

– Что только? – спросил я. – Ради Бога, скажи мне.

– Ты действительно хочешь знать? – полюбопытствовал он.

– Естественно, я хочу знать, – во мне уже кипело раздражение. – О чем ты?

– Конечно, ты можешь увидеть это сам, – услышал я в ответ.

– Увидеть что? – спросил я. – Увидеть что?

– Белку, разумеется.

– Что?

– Белку, – повторил он. – Я хочу сказать, это нормально, Жорж, если ты хочешь изобразить белку в своей картине, ты имеешь на это полное право, полагаю, но, если откровенно...

– Какую белку? – спросил я. – О чем ты говоришь? На этой картине нет никакой белки.

На лице моего друга Пикассо отразилась обида.

– Если ты намерен шутить со мной по такому серьезному вопросу, – сказал он, – говорить больше не о чем.

– Я не шучу! – воскликнул я. – Какая белка? Где?

– Ты действительно ее не видишь? – спросил он.

Мое раздражение уже переходило в ярость.

– Я не вижу белки на этой картине, – прорычал я. – Нет на этой картине никакой белки. Я, Жорж Брак, великий художник-кубист, не рисую белок!

Пикассо смотрел на меня. Росточка он был небольшого, но его взгляд мог прожигать в человеке дыры.

– Прекрасно, – кивнул он. – Как скажешь.

Но я не собирался позволить ему так легко отделаться.

– Покажи мне белку, – потребовал я.

– Нет, нет, – он покачал головой, – если ты говоришь, что ее здесь нет, значит, ее нет. У меня и в мыслях нет говорить коллеге-художнику, что должно быть в его картине. В конце концов, я всего лишь Пикассо, а ты... Ты великий Брак.

Я к тому моменту дошел до точки кипения. На кону стояла моя честь.

– Я требую, чтобы ты показал мне белку! – проревел я. – Немедленно!

– Пожалуйста, Жорж, на самом деле это ерунда. Я слишком высоко ценю твою дружбу, чтобы ставить ее под удар из-за такой ерунды, как маленькая белка, – ответил Пикассо.

– Покажи мне эту чертову белку, – не унимался я, – или, клянусь, с нашей дружбой будет покончено!

– Что ж, – не стал больше спорить мой друг Пикассо, – если ты настаиваешь. Но, конечно же, ты можешь увидеть ее сам, это же ясно, как день. Она прямо здесь.

– Где? – спросил я.

– Здесь, – ответил Пикассо. – Видишь?

Я смотрел, и я смотрел, но не видел никакой белки.

– Ничего не вижу, – признался я. – Никакой белки.

– Ах, – вздохнул мой друг Пикассо и покачал головой. –

Так часто художник не видит то, что нарисовал.

– НА ЭТОЙ КАРТИНЕ НЕТ НИКАКОЙ БЕЛКИ! – про-
ревел я.

– Как скажешь, – он пожал плечами.

Я смотрел. И смотрел. Пикассо курил. И на мгновение,
думаю, только на мгновение, мне показалось...

– Ты про это? – спросил я. – Вот здесь?

И я указал на некую конфигурацию на картине, которая,
как мне показалось, на долю секунды изменила форму, со-
всем как в калейдоскопе, которые так нравятся детям.

– А теперь, мой друг, – и голос Пикассо звучал слишком
серьезно, – ты просто смеешься надо мной.

Как же мне стало стыдно. Мой друг Пикассо всего лишь
пытался мне помочь, а я оскорбил его дважды. Первый раз
отказывая ему в том, что он может увидеть белку, которую
он видел ясно и отчетливо, а потом вроде бы насмехаясь над
ним, когда на самом деле белку эту я не видел. А в следую-
щее мгновение, о, ужас, какой ужас, внезапно, я увидел, эту
белку, эту мерзкую белку, которая, ухмыляясь, смотрела на
меня с картины.

– Господи! Господи! – криком вырвалось из меня. – Я ее
вижу! Я вижу белку! Она есть, Господи, на картине есть бел-

ка!

– И это очаровательная белка, – заметил Пикассо. – Белки – они все такие.

– На как, во имя Господа, белка попала в мою картину? – спросил я.

– Пути белок неисповедимы, – указал Пикассо.

– Но я не рисовал белку на этой картине, Пабло, клянусь могилой моей матери, – я пребывал в растерянности.

– Может, ты нарисовал и забыл, – предположил он.

– Если бы я нарисовал белку, но не забыл бы, – ответил я. – Разве я похож на человека, который может забыть такое?

– Иногда, – сказал Пикассо, – что-то пробирается в нашу работу без нашего ведома. Мы так одержимы стремлением что-то нарисовать, что не замечаем некоторых искажений... Нет, слишком сильное слово... Некоторых ненужностей, которым удается прокрасться в нашу работу, когда мы отвлекаемся.

– Но как такое может случиться? – воскликнул я. Слова «искажение» рвало мне сердце. – Я схожу с ума?

– Расстраиваться тут не из-за чего, – попытался успокоить меня Пикассо. – Если ты хочешь, чтобы в твоей картине была белка, может, даже несколько орешков...

– Не ХОЧУ я белку в моей картине, – рявкнул я. – Мне противны белки. Белки – самые отвратительные существа на земле. Я терпеть не могу белок, и я терпеть не могу орешки. Как ты смеешь предполагать, что я, Жорж Брак, сознательно

позволил белке пробраться в мою картину? Клянусь тебе, не рисовал я никаких белок.

– Надеюсь, ты не предполагаешь, что я ночью проник в твою студию и нарисовал белку на твоём шедевре? – спросил Пикассо.

– Разумеется, нет, – ответил я. – Ты никогда бы такого не сделал, я знаю. Ты – мой лучший друг.

В любом случае, такую белку мог бы нарисовать Матисс, – заметил Пикассо.

– Матисс? – переспросил я. – Ты думаешь, это сделал Матисс?

– О, нет, нет, конечно же, нет, – покачал головой Пикассо. – Матисс никогда бы не поступил так с тобой. И он слишком занят собственной работой. Я только хотел сказать, что выглядит она, как белка Матисса, такую белку Матисс мог бы нарисовать, если бы в приступе слабоумия взялся за беличью картину. Но расстраиваться не из-за чего. Критики, с полным отсутствием у них серого вещества, в будущем упомянут о влиянии беличьих мотивов Матисса на некоторые картины Жоржа Брака.

– Я должен избавиться от этой белки! – вскричал я.

– Но я думал, ты закончил картину, – сказал Пикассо.

– Не может она быть закончена, пока я не избавлюсь от этой коварной, демонической белки, – возразил я.

– Что ж, удачи тебе, – пожал плечами Пикассо. – Избавиться от такого чрезвычайно трудно, знаешь ли. Как я по-

нимаю, у Рембрандта возникла аналогичная проблема, и едва не погубила его.

– Я избавлюсь от этой чертовой белки, даже если на это уйдет вся моя оставшаяся жизнь, – поклялся я.

Мой друг Пикассо улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

– Ты – великий человек, Жорж, – сказал мой друг Пикассо. – А теперь прошу меня извинить. Мне и самому нужно кое-что доделать, а время уже позднее.

Я горячо поблагодарил его.

– Да благословит тебя Господь. Да благословит тебя Господь за то, что ты такой хороший и верный друг, Пабло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.